

UDC 141.5

DOI: 10.21146/1606-6251-2019-3/4-210-219

Р.В. СВЕТЛОВ

СТРАНСТВУЮЩИЕ МУДРЕЦЫ*

Часть 2

***Аннотация:** В статье разбирается «топос» странствия в жизнеописаниях античных мудрецов. Рассматривается место повествования о странствиях в греческих фольклорной и литературной традиции, ее связь с биографиями философов. Анализируется представление о том, что странствия мудрецов символически указывают на «векторы» контактов античной культуры. Рассказы о возможных контактах позволяют реконструировать воображаемый горизонт экумены в представлениях древних эллинов. Более того, повествования о путешествующих мудрецах напрямую связаны с античными спорами о природе «греческого чуда» (заимствованы ли были научные знания, или же созданы самими эллинами?), а также с трактовкой того, какой характер должна иметь «созерцательная жизнь».*

***Ключевые слова:** античный мудрец, жизнь созерцательная, Одиссей, Пифагор, Аполлоний Тианский.*

Поскольку речь заходит о Спарте, мы вновь возвращаемся к теме Гиппиевского «Собрания». В «Гиппие Большем» софист говорит о любви спартанцев к рассказам о родословиях героев и древних правителей, об историях, связанных с основанием различных городов. Гиппий, чтобы удовлетворить их интерес, был вынужден

Светлов Роман Викторович – доктор философских наук, профессор, директор Института философии человека. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. Российская Федерация, 197046, г. Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, д. 26; e-mail: spatha@mail.ru.

* Окончание. Начало см.: Светлов Р.В. Странствующие мудрецы. Ч. 1. // Вестник РФО. – 2019. – № 1-2 (89-90). – С. 99-111.

тратить время для подготовки. В жанре «Родословий» творил ряд ранних греческих писателей, традиционно относимых к т.н. космогонистам и мифологам/теологам, а именно: Орфей и Мусей, Гелланик и Ферекид и т.д. Судя по всему, этот же жанр использовали и т.н. «сидоняне», в том числе, если доверять Дамаскию Диадоху, некий «Мох». Упоминание в «Гиппии Большем» «археологии» (Hipp. Mai. 285 d) в смысле рассказа о далеких временах позволяет отнести софиста не только к «генеалогистам», но и, возможно, к первым античным историкам.

Однако едва ли сочинение Гиппия выглядело как исследование в духе Геродота и Фукидида. Скорее всего оно являлось компендиумом, в котором были представлены самые различные пред-натурфилософские, ранние натурфилософские, историко-генеалогические идеи, а также просто разные достопримечательные факты и случаи. Возможно, Гиппий каким-то образом демонстрировал преемственность этих идей и современных ему представлений.

Многоученную мудрость Гиппия Платон иронически обыгрывает в «Гиппии меньшем». Рассказывая о пребывании Гиппия в Олимпии, Платон утверждает, что софист был готов общаться с любым человеком, который пожелал бы обсудить «заготовленные образцы» его мудрости (Plato. Hipp. Min. 363 d). В диалоге «Протагор» Гиппий, сидящий на высоком кресле, словно на троне, осаждаем группой поклонников и ведет с ними речь по поводу природы, а также небесных явлений (Plato. Protag. 315 c.).

Нам кажется вполне вероятной возможность того, что Евдем был знаком с «Собранием» Гиппия. Если мы правы, то ученик Аристотеля в своем сочинении ставил перед собой цель опровергнуть представления Гиппия о преемственности мудрости — от предфилософской и варварской к натурфилософии VI-V вв. до н.э. Вслед за Аристотелем он противопоставлял философию мифологической и «теологической» традиции, объясняя их различие вполне в стиле своего учителя.

Какое отношение к странствующим мудрецам имеет этот сюжет? «Собрание» Гиппия (если Климент Александрийский приводит цитату именно из этого текста) не могло создаваться в том же режиме, в котором создавались доксографические произведения учеников Ари-

стотеля и, тем более, всевозможные образцы «многознающей мудрости» эпохи эллинизма. Для Ликия и александрийского Мусейона важнейшим источником становятся книги, ассортимент которых в IV столетии до н. э. уже достаточно велик, а ценность записанного текста как источника знаний после Аристотеля не подлежит сомнению.

Во времена Гиппия (ок. 460–400 гг. до н. э.) такого источника — по крайней мере, в массовом масштабе — еще не существовало. Еще раз вспомним Геродота, который путешествовал ради сбора материала для своего исследования. Можно сказать, что античность в это время еще только приступает к созданию письменного культурного фона для ликейско-александрийской учености.

Географию путешествий Гиппия, конечно, нельзя сравнивать с эпической географией путешествий того же Пифагора. Порфирий в «Жизни Пифагора» свидетельствует: «что касается того, где он учился, то большинство утверждает, что начала так называемых математических наук он усвоил от египтян, халдеев и финикийцев (так как геометрией с древних времен занимались египтяне, числами и вычислениями — финикийцы, а астрономическими теориями — халдеи), а всему, что относится к культу богов и прочим жизненным правилам, он научился у магов и у них заимствовал» (Vita Pyth. 6; пер. А. В. Лебедева). «Маги» в данном случае — это персы-зороастрийцы (см. прим. 1).

Однако Гиппий, как и большинство софистов, представляет собой пример того, что ныне назвали бы «академической мобильностью». Ограничивалась она греческими городами, но была явлением, выдающимся для своего времени. Во всяком случае, Гиппий (как бы иронично к нему не относился Платон) был знаком не только с афинскими реалиями, но и со спартанскими, будучи, как мы отмечали выше, частым гостем в Лакедемонне. И это при том, что Спарта была закрытым государством, с недоверием относившимся к иноземцам. Как ни жалок в «Большем» и «Меньшем» «Гиппиях» элидский софист, о Лакедемонне, столь важном для политических построений Платона, он знал больше, чем основатель Академии, и, так сказать, знал из первых рук.

Из представителей иной, нежели софисты, традиции того же времени мы должны вспомнить Демокрита, странствия которого,

якобы, превосходили даже пифагоровские. Элиан в «Пестрых рассказах» пишет: «Согласно сохранившимся сведениям, Демокрит из Абдеры был настоящим мудрецом и стремился прожить незаметно, подальше от людских глаз. Поэтому он много странствовал, побывал в Вавилоне у халдеев, у магов и у индийских мудрецов. Когда после смерти отца Дамасиппа его наследство было разделено на три части по числу сыновей, Демокрит из своей доли взял только деньги, необходимые на дорогу, а все остальное отдал братьям. Теофраст прославляет его за то, что во время скитаний он приобрел сокровища более ценные, чем Менелай и Одиссей; ведь те вели себя ничуть не лучше финикийских купцов — тоже копили богатства и только потому странствовали по морям и землям» (Aelian. Var. hist. IV. 20; пер. С. В. Поляковой).

Теофраст (ок. 370 — ок. 288 г. до н. э.), ученик Аристотеля, мог опираться уже на какую-то сложившуюся традицию о странствиях Демокрита. Вероятно, это была «патриотическая» абдерская традиция, восхвалявшая своего земляка-мудреца (на монетах портрет Абдера появляется довольно рано). В том, что философ-абдерит побывал в тех частях Азии, где эллины до него не появлялись, похоже, уверен и Мегасфен, автор «Индики». «В горной стране, — продолжает Мегасфен, — есть река Сила, на поверхности воды которой ничего не держится. Демокрит, впрочем, не верит этому (а он исходил большую часть Азии)» (Strabo. XV. 38; пер. Г.А. Стратановского). Хотя Мегасфен бывал в Индии (в частности, в резиденции царя Чандрагупты) лично, фрагменты его сочинений показывают, что он не брезговал фольклором и мифами о всевозможных диковинках.

То, что Индия была для эллинов сказочной страной, демонстрируют и более ранние источники — как Геродот, так и созданная на столетие раньше времени Мегасфена «Индика» Ктесия. Это сочинение написано со слов «информаторов» из числа персов, так как большую часть своего пребывания в Персии Ктесий провел при царском дворе и не совершал дальних странствий с культурно-познавательными целями. Впрочем, Страбон, критикуя Мегасфена, вероятно «прибавил» Демокрита не из-за каких-то его «страноведческих» наблюдений, но из-за натурфилософских представлений

атомиста, изложенных в его трудах, которые ныне утеряны. Легенда о далеких странствиях абдерита оказывается, с точки зрения Страбона, вполне уместна. Однако отметим, что Демокрит никак не мог сомневаться в сообщении Мегасфена просто потому, что не знал о нем: Мегасфен писал много времени спустя после смерти философа.

То, что Демокрит покидал свою родину, в том числе ради учебы (побывав «неузнанным» в Афинах, и, возможно, в Египте), нас удивлять не должно. Однако уже ко времени Теофраста, вероятно, сложилась традиция преувеличивать эти странствия. Создал ли ее Бион из Абдер (известный как раз благодаря «географическому» фрагменту, посвященному длине дня за полярным кругом), или Метродор из Лампсака, — сказать трудно. Впрочем, идеи эти могли возникнуть и среди учеников Платона и Аристотеля, которые, как мы уже говорили, стояли у истоков биографического и историографического жанров.

Но Гиппий и Демокрит — это вторая половина V в. до н. э. А странствия Платона, реальные и вымышленные, падают на первую половину IV в. до н. э. Имеем ли мы признаки такой «мобильности» в предшествующую, архаическую, эпоху? Как минимум, об одном из мыслителей VI столетия в этом вопросе нет никаких академических сомнений — мы имеем в виду Ксенофана Колофонского. Родом из Малой Азии, он значительную часть своей творческой жизни провел в Великой Греции, даже освятив своими стихами основание знаменитой италийской Элеи около 535 г. до н. э. Правда, Ксенофан представляет собой некоторое смешение мудреца и элегического поэта (что в его время не воспринималось как аномалия). А греческие рапсоды и лирические поэты были «странствующими элементами» архаической Эллады. Заработок, слава, жизненные обстоятельства — все это являлось естественными стимулами для их передвижения из полиса в полис.

Однако их странствия ограничивались регионом расселения эллинов, что вполне объяснимо: потребителями поэзии произведений были люди, разговаривавшие на родном языке (см. прим. 2). Скептические суждения Ксенофана об облике египетских, фракийских, персидских и эфиопских богов едва ли свидетельствуют

о его «международных» изысканиях, поскольку он рассказывал о вещах, очевидных в то время для эллинов.

Но «количество знаний» о варварском «зарубежье» в это время увеличивалось в геометрической прогрессии (см. прим. 3). В связи с этим путешествие Фалеса в Египет выглядит вполне реальным. Возможно, первое надежное свидетельство об этом событии содержится в «Разрозненных записках» Иеронима Родосского (ок. 290 – 230 гг. до н. э.). Согласно Диогену Лаэртскому, последний утверждал, что «Фалес измерил пирамиды по [длине их] тени, указав момент, когда та равна нашему росту» (*De vita*. I. 27; здесь и далее цитаты о Фалесе приводятся в переводе А. В. Лебедева). Это свидетельство замечательно тем, что, судя по рассказу Диогена, азам математики Фалес научился в том же Египте: «Кроме жрецов, с которыми он беседовал во время своего пребывания в Египте, учителей у него не имелось» (*ibid*). Египетская тема настолько была «закреплена» в упоминаниях о Фалесе, что Тертуллиан превращает финикийскую рабыню, которая смеется над заглядевшимся на звезды и упавшим в канаву философом, в «египтянина» (*Tert. Ad nat.* II. 4).

Одно место у Геродота может указывать на Фалеса, опять же давшего объяснение важному природному явлению в Египте: «"Желавшие отличиться мудростью" греки дали три объяснения разливов Нила, два из которых едва заслуживают упоминания. Первое из двух гласит, что в разливах реки повинны ветры-этесии, препятствующие Нилу вытекать в море» (*Hdt.* II. 20).

Диоген Лаэртский и Псевдо-Плутарх прямо приписывают это учение Фалесу, в данном контексте великим историком не упомянутому, однако хорошо известному Геродоту. Чтобы выдвинуть такое (пусть и ложное) объяснение разливам Нила, Фалес должен был быть знаком с природными условиями этой страны не понаслышке. Так что свидетельство о ветрах-этесиях служит дополнительным свидетельством в пользу поездки Фалеса в долину Нила.

Мы принципиально уклоняемся от обсуждения вопроса об исторической реальности путешествий Пифагора [2], о том, мог ли создатель первого гномона Анаксимандр побывать не только в Спарте (где он его и установил), но и в пределах Вавилонии, о пу-

тешествиях Гекатея Милетского и тому подобных сюжетах. Можно лишь сказать, что эллинистические повествования о далеких странствиях тех античных мудрецов и философов, чья деятельность легла в основу древнегреческой цивилизации, науки и культуры, безусловно, преувеличены. Но за ними стоит явное историческое основание: жадное собирание эллинами VI—V вв. до н.э. информации, умений, технологий, когда любое знание представляло собой ценность, было связано не только с опросами условных ближневосточных гостей и с подтверждением или опровержением их собственными исследованиями (например, в области астрономии), но и с самостоятельными путешествиями. Это «коллекционирование в слове», которое примет столь изысканный облик во времена «Второй софистики», в архаическую эпоху имело еще и вполне прагматический характер. Можно даже сказать, что начала той жизни, которую Аристотель назовет созерцательной, возникают именно в это время и в этой ситуации.

Путешествие с целью получения знания — это выход за рамки жизни практической, это обретение права на роскошь использовать собственное время не для труда ради получения сиюминутной выгоды. Оно должно было формировать совсем другие стратегии жизни, а для их свершения, безусловно, необходимы были достаточные средства. Быть может, именно на этот переход к созерцательной форме жизненных стратегий указывает в жизнеописании Солона Плутарх: «По всей вероятности, в те времена мудрость одного только Фалеса вышла за границы практических нужд и пошла дальше них в созерцании, а остальные снискали имя “мудрецов” за свою политическую доблесть» (Plut. Sol. 3).

Именно поэтому в какой-то момент греческие мудрецы начинают выступать в античной литературе в качестве «все повидавших». Эллинистические авторы переносят на них черты античных эпических странников. При этом создается не только «перечень» стран, в которых они побывали, и наук, которые усвоили. Ведь Одиссей и сам многое узнал на киммерийских берегах, в чертогах Кирки или на острове блаженных феаков. Но его хитроумие и находчивость позволяли ему выходить из самых сложных ситуаций. Точно также и греческие мудрецы (как уже указывалось выше) де-

монстрируют свое превосходство над царями, тиранами, и теми же египтянами, не понимающими природы разливов Нила и не знающими размеров пирамид.

От поздней античности до нас дошел прекрасный текст, иллюстрирующий связь образа мудреца с «все повидавшими». Мы имеем в виду «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата (см. прим. 4). Его путешествия в Индию, затем в Эфиопию, а также поездка по значительной части Римской империи в промежутках между ними — это явное выражение представлений о том, что жизнь созерцательная никак не противоречит странствию и даже выражается в нем. Путешествуя, мудрец сохраняет себя; Филострат во время странствий не столько учится, сколько поучает. Это постоянное видение себя и истины, за которую он отвечает, превращает Филострата в «мудреца-победителя», которому не страшны ни дикие звери, ни даже оковы тирана Домициана.

Из образа странствующего философа уходит эпическая идея рока. Но сохраняется столь же эпическая идея пути и странствия, парадоксальным образом связанная с концепцией созерцательной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов А. В. Флавий Филострат в религиозном контексте своего времени: «Жизнь Аполлония» и «Героика». — М., 2012.
2. Жмудь Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. — М., 2012.
3. Куле К. СМИ в Древней Греции. Сочинения, речи, разыскания, путешествия. — М., 2004.
4. Сеницын А. А. Греки и монстры: Об античной мифологии как занимательной этногеографии (эскиз на тему путешествий и открытий) // Боспорские исследования: сборник. Выпуск XXXI. — Керчь, 2015. — С. 186–213.
5. Cartledge P.A. The Greeks. A Portrait of Self and Others. (2nd ed.) — Oxford, 2002.
6. Demoen K., Praet D. (ed.) Theios Sophistes: Essays on Flavius Philostratus' Vita Apollonii. Leiden; — Boston: Brill, 2009.
7. Dueck D. Knowledge of Self // A Companion to Greek. — Oxford: Blackwell, 2016. — P. 386–400.
8. Gruen E.S. (ed.) Cultural Identity in the Ancient Mediterranean. — Los Angeles, 2011.
9. Hall J. M. Hellenicity: Between Ethnicity and Culture. — Chicago, 2002.
10. Harrison Th. (ed.) Greeks and Barbarians. — New York, 2002.
11. Kemezis A. M. Narrative of Cultural Geography in Philostratus' Lives of the Sophists // Perceptions of the Second Sophistic and its Times. — Toronto, 2011. — P. 3–22.
12. Kemezis A. M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. — Cambridge, 2014.
13. Skinner J.E. The Invention of Greek Ethnography: From Homer to Herodotus. — Oxford, 2012.

14. *Tenekides G.C.* Les relations internationales dans la Grèce antique. — Athènes, 1993.
15. *Vlassopoulos K.* Greeks and Barbarians. — Cambridge, 2013.

Примечания

1. В поздней античности бытовала версия о том, что Пифагор был знаком и с «Халдеем Заратой», т. е. Зороастром (*Hippolyt. Refutat. I. 2. 12*).
2. О характере информационных связей между полисами в античной Эллада: *Tenekides*, 1993; *Куле*, 2004.
3. Вот несколько работ об интересе античных эллинов к варварам и их культуре: *Cartledge*, 2002; *Harrison*, 2002; *Hall*, 2002; *Синицын*, 2013; *Gruen*, 2011; *Skinner*, 2012; *Vlassopoulos*, 2013; *Dueck*, 2016.
4. См. работы о Флавии Филострате в интересующем нас географическом и дидактическом контексте: *Demoen*, 2009; *Kemezis*, 2011; *Белусов*, 2012; *Kemezis*, 2014.

Roman V. Svetlov

WANDERING SAGES

Part 2

Institute of Philosophy of Man, the Herzen State Pedagogical University of Russia. 26 Malaya Posadskaya Str., St. Petersburg, 197046, Russian Federation; e-mail: spatha@mail.ru.

Annotation: The important element of the biographies of the ancient philosophers is the «topos» of travel. Stories about the travels in the Greek folklore and literary tradition are essentially duplicated by the biographies of philosophers. The notion that travels of the sages symbolically point to the «vectors» of contacts of ancient culture - is only one side of the theme. Reports of possible contacts allow the reconstruction of an imaginary horizon of the «oikumene» in the ideas of the ancient Greeks. Moreover, the stories about traveling sages are directly related to ancient disputes about the nature of the «Greek miracle» and not to a lesser extent it raises the question of what is «the contemplative life».

Keywords: *An ancient sage, contemplative life, Odysseus, Pythagoras, Apollonius of Tyana.*

REFERENCES

1. *Belousov A.V.* Flavij Filostrat v religioznom kontekste svoego vremena: «Zhizn' Apolloniya» i «Geroika». [Flavius Philostratus in the religious context of his time: "The Life of Apollonius" and "Heroic"]. — М., 2012.
2. *Zhmud L.* Pifagor i rannie pifagorejcy [Pythagoras and the early Pythagoreans]. — М., 2012.

3. *Kule K.* SMI v Drevnej Grecii. Sochineniya, rechi, razyskaniya, puteshestviya. [Media in ancient Greece. Works, speeches, searches, travels]. – M., 2004.
4. *Sinicyn A.A.* Greki i monstry: Ob antichnoj mifologii kak zanimatel'noj etnogeografii (eskiz na temu puteshestvij i otkrytij). [Greeks and monsters: On ancient mythology as an entertaining ethnogeography (sketch on the theme of travel and discoveries)]. Bosporskie issledovaniya. [Bosporus Studies] №. XXXI. – Kerch'2015. – P. 186-213.
5. *Cartledge P.A.* The Greeks. A Portrait of Self and Others. 2nd ed. – Oxford, 2002.
6. *Demoen K., Praet D.* (ed.) Theios Sophistes: Essays on Flavius Philostratus' Vita Apollonii. Leiden; – Boston: Brill, 2009.
7. *Dueck D.* Knowledge of Self // A Companion to Greek Literature. – Oxford: Blackwell, 2016. – P. 386-400.
8. *Gruen E.S.* (ed.) Cultural Identity in the Ancient Mediterranean. – Los Angeles, 2011.
9. *Hall J.M.* Hellenicity: Between Ethnicity and Culture. – Chicago, 2002.
10. *Harrison Th.* (ed.) Greeks and Barbarians. – New York, 2002.
11. *Kemezis A.M.* Narrative of Cultural Geography in Philostratus' Lives of the Sophists. Perceptions of the Second Sophistic and its Times. – Toronto, 2011. – P. 3-22.
12. *Kemezis A. M.* Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. – Cambridge, 2014.
13. *Skinner J. E.* The Invention of Greek Ethnography: From Homer to Herodotus. – Oxford, 2012.
14. *Tenekides G. C.* Les relations internationales dans la Grèce antique. – Athines, 1993.
15. *Vlassopoulos K.* Greeks and Barbarians. – Cambridge, 2013.

Статья поступила в редакцию – 12.09.2019 г.